

Классификация не объясняет индивидуальной психики. Тем не менее, представление о психологических типах открывает путь к лучшему пониманию человеческой психологии вообще.

Карл Густав Юнг.

Предисловие автора к русскому изданию

Двадцатитомное Собрание сочинений К. Г. Юнга дает нам полное представление о широте мировоззренческих взглядов и огромной житейской мудрости зачинателя психологического направления — аналитической психологии. Здесь мы встречаем цикл психиатрических изысканий, уникальную разработку символической интерпретации мифологических мотивов и образов сновидений. Представлены основополагающие работы по теории архетипов и понятию коллективного бессознательного. В ряде статей и эссе перед нами предстает, так называемый, «мистический» Юнг — один из первых современных психологов прокомментировавший эзотерические алхимические тексты средневековья и выпустивший принципиальную работу о мистической связи между материей и разумом, проявляющейся в синхронистических переживаниях. Ну и, конечно, важнейшей работой Юнга является его грандиозный труд по психологической типологии — «Психологические типы», представленный в шестом томе. Во всем этом поражающем многообразии идей и мыслей постоянно — явным образом или незримо — присутствует и земное смиренное понимание разрушительного аспекта неизбывной психической смуты — «человеческое, слишком человеческое», — порождаемой бессознательными комплексами, и напряженное духовное величие смысловой картины мира. Не случайно Юнг в конце своей жизни на вопрос, верит ли он в Бога, ответил: «Я не верю, я знаю».

Книга «Типы личности», как я думаю, окажется полезной не только для психологов или студентов-гуманитариев, но может также послужить хорошим подспорьем для понимания типологической модели Юнга неспециалистами. Во всяком случае, я стремился к возможной простоте изложения, пытаюсь при этом избежать вульгарного упрощения самой модели и показать ее сложность и многообразие практического применения. Хотя эта книга — попытка объяснить систему мышления знаменитого психолога, при ее написании я хотел также понять лучше и самого себя. Теперь же мне остается надеяться, что это может получиться и с теми, кто будет ее читать.

Дэрил Шарп

Торонто, Канада, апрель 1996 г.

Глава I. Введение в юнгианскую типологию

Человеческий опыт или отдельное переживание, которые каждый человек осуществляет своим специфическим образом, отличным от других, издавна являлись основой и предпосылкой для многочисленных систем типологии. С ранних времен культурной истории делались попытки категоризовать индивидуальные установки и поведенческие образцы (паттерны), для того, чтобы объяснить само различие между людьми.

Наиболее древняя известная нам система типологии — это система, разработанная восточными астрологами. Они классифицировали характер в терминах четырех тригонов (треугольников), соответствующих четырем элементам — воде, воздуху, земле и огню. Например, воздушный тригон в гороскопе состоит из трех воздушных знаков Зодиака, — Водолея, Близнецов, Весов, огненный тригон состоит из Овна, Льва и Стрельца. Согласно этому стародавнему воззрению, тот, кто родился под этими знаками несет в себе их воздушную или огненную стихию и имеет соответствующий темперамент и судьбу; аналогичная картина имеет место для водного и земного знаков. Эта система в модифицированной форме дожила в астрологии до наших дней.

С этой древней космологической схемой близко соседствует физиологическая типология греческой медицины, согласно которой индивиды были расклассифицированы как флегматики, сангвиники, холерики и меланхолики, она основывалась на определениях секретов тела (флегма, кровь, желтая желчь и черная желчь). Эти описания все еще находятся в общем языковом обиходе, хотя медицински они уже давно вытеснились другими более современными терминами.

Собственно, юнгианская типологическая модель вытекала из широкого исторического обзора (обзора, изучения, просмотра, проверки) типологических вопросов в литературе, мифологии, эстетике, философии и психопатологии. В предисловии к одной из наиболее известных книг Карла Густава Юнга «Психологические типы»¹, представляющей глубокое научное исследование, автор пишет:

Эта книга плод более двадцатилетней работы в области практической психологии. Она вырастала в моем сознании постепенно,

¹ Русское издание. *Психологические типы*. СПб., 1995 г. (Далее ПТ) с. 716

обретая форму из многочисленных впечатлений и психиатрических наблюдений при лечении нервных болезней, из взаимодействия с людьми — мужчинами и женщинами — всех социальных уровней, из моих собственных отношений с друзьями и, так называемыми, недругами, и, в конце концов, из критического осмысления моих собственных психологических особенностей².

Базовая модель

В то время как более ранние классификации строились на основе наблюдений за темпераментом или эмоциональными поведенческими образцами, модель Юнга связана с движением психической энергии и воплощена в определенном специфическом направлении, на котором тот или иной человек более привычно или предпочтительно ориентируется в мире.

С этой точки зрения Юнг выделил восемь типологических групп *две личностные установки* интроверсию и экстраверсию — *и четыре функции и или типа ориентации* — мышление, (ощущение, интуицию и чувство — каждая из которых может действовать либо интровертным, либо экстравертным образом.

Получившиеся восемь вариаций мы разберем в последующих главах, с подробным описанием того, как каждая из функций действует в комбинации с экстравертной или интровертной установок. А здесь мы займемся кратким пояснением тех терминов, которыми пользовался Юнг. Хотя экстраверсия и интроверсия сделались, буквально, домашними понятиями, их значение часто понимается неправильно, что касается четырех функций, то они известны не столь широко, соответственно, понимаются значительно хуже.

Интроверсия и экстраверсия являются психологическими способами адаптации. В интроверсии движение энергии осуществляется по направлению к внутреннему миру. В экстраверсии интерес направлен во внешний мир. В одном случае, сам субъект (внутренняя реальность), а в другом, сам объект (предметы или другие люди, внешняя реальность) оказываются изначально более важными.

Интроверсия, пишет Юнг, «в норме характеризуется колеблющейся, рефлексивной, застенчивой, стремящейся к уединению натурой, которая сохраняет себя для самой себя, склонна удаляться от объектов и всегда пребывать в несколько оборонительной позиции»³.

² ПТ, с.23

³ *Two Essays on Analytical Psychology*, CW 7, par. 62. См. также К. Г. Юнг:

Соответственно, *Экстраверсия* — «нормально характеризует-ся подвижной, чистосердечной, сговорчивой, уживчивой натурой, легко приспосабливающейся к данной ситуации; такая натура быстро образует связи и привязанности и отбрасывает в сторону любые возможные дурные опасения и предчувствия, и часто в незнакомой ситуации предпринимает рискованные начинания с беззаботной уверенностью»⁴.

В экстравертной установке внешние факторы являются преобладающей движущей силой для суждений, чувственных восприятия, аффектов и действий. Это остро контрастирует с психологической природой интроверсии, где внутренние или субъективные факторы оказываются ведущей мотивацией.

Экстраверты любят путешествовать, встречать новых людей, видеть новые места. Они типичные искатели приключений, их жизнь напоминает вечеринку, открытую и дружественную. Интроверт, по сути, консервативен, предпочитает привычную домашнюю обстановку, близкие отношения только с ограниченным числом друзей. Для экстраверта интроверт — косный отсталый человек, тот, кто портит удовольствие другим, скучный и предсказуемый. Со своей стороны интроверт, стремящийся быть более самодостаточным, чем экстраверт, считает последнего капризным, взбалмошным, поверхностным бездельником, неприкаянным жуиром.

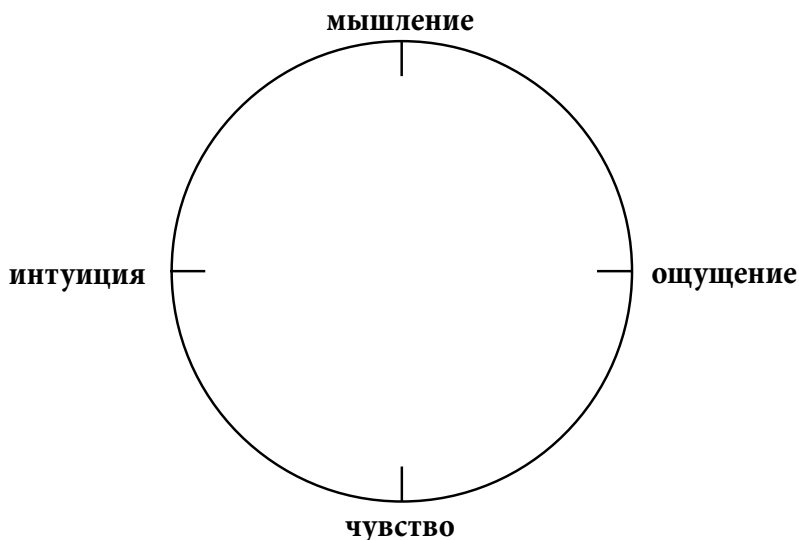
На практике продемонстрировать экстравертную и интравертную установки, как таковые, невозможно; в изолированном виде они не существуют. К какому типу принадлежит тот или иной человек становится более очевидным и ясным только в связи с одной из четырех функций, каждая из которых имеет свою собственную область компетентности (существования, действия). Функция *мышления* относится к процессу когнитивной познавательной мысли, *ощущение* есть восприятие с помощью органов чувств, *чувство* есть функция субъективного суждения или оценки, а *интуиция* относится к восприятию с помощью бессознательного (т. е., чувствительностью к бессознательным содержаниям).

Базовая модель Юнга, включая взаимоотношения между четырьмя функциями, составляет кватерность, как показано на диаграмме, Мышление на ней изображено — что можно оспорить — наверху; по сути, любая из функций может быть помещена наверху; соответственно ей, наиболее для него характерной, тот или иной человек и ориентируется в мире. Относительная позиция

Психология бессознательного (далее **ПБ**). М.: Канон. 1995. с. 77.

⁴ Там же.

других функций, однако, — тех, которые по бокам и внизу — определяется функцией, расположенной наверху. В последующем изложении, причина такого рода дистрибуции, составляющей специфику индивидуального функционирования, станет более ясной.

Кратко: ощущающая функция устанавливает то, что нечто существует, мышление говорит нам, что такое это нечто существующее, чувство сообщает, что чего стоит, а через интуицию мы получаем смысл того, что с этим может быть сделано (сами возможности). Любая функция, сама по себе, еще не является достаточной для упорядочивания нашего опыта относительно нас самих или окружающего нас мира; для этого, для ясного понимания, пишет Юнг, требуются все четыре:

Для полной ориентации все четыре функции должны внести одинаковый вклад: мышление обязано облегчить опознание и осмысление, чувство расскажет нам о том, в какой степени те или иные вещи оказываются важными или неважными для нас, ощущение сообщает о конкретной реальности посредством зрения, слуха, вкуса и т. д., а интуиция делает нас способными к предугадыванию скрытых возможностей, гнездящихся в подоплеке явлений, на их заднем плане, поскольку последние также принадлежат целостной картине данной ситуации⁵.

⁵ ПТ, пар. 900.

Идеальным было бы иметь сознательный доступ к той самой функции или функциям, которые требуются или оказываются соответствующими определенным специфическим обстоятельствам, но на практике эти четыре функции получаются представленными субъекту не в равной степени осознанной доступности — то есть, они не являются развитыми одинаковым образом или не дифференцированы у любого индивида одинаково хорошо. Неизменно и неизбежно та или иная функция оказывается более развитой; Юнг назвал ее первичной или ведущей, доминирующей, в то время, как остальные остаются подчиненными и относительно или сравнительно менее дифференцированными.

Термин «ведущая» и «подчиненная» в этом контексте не носит оценочного характера, не составляет суждения «лучше» или «хуже». Ни одна из функций не может быть лучше, нежели другая. Юнг признавал, что эти четыре функции ориентирования не составляют всецело сознательное психическое. Сила воли и память, например, оказываются невключенными. Причина заключается в том, что они не являются типологическими детерминантами — хотя, естественно, что они воздействуют, тем или иным образом, на типологические функции.

Любая другая ведущая функция выступает в том смысле, что у какого-либо человека она используется с наибольшей вероятностью; аналогичным образом, подчиненная вовсе не означает какой-либо патологии, а попросту не используется (или, по крайней мере, используется гораздо меньше по сравнению с функцией «излюбленной»).

Что же происходит с теми функциями, которые в сознательной повседневной жизни, как правило, не применяются и поэтому не развиваются, остаются неразвитыми?

Они пребывают в более или менее примитивном и инфантильном состоянии, зачастую осознаются лишь наполовину или даже и вовсе не осознаются. Относительно неразвитые функции составляют некую специфическую неполноценность, характеризующую любой тип и являющуюся интегральной (составляющей) частью его целостного характера. Односторонний акцент на мышление всегда сопровождается неполноценным чувством, а дифференцированное развитое ощущение вредит интуиции и наоборот⁶.

Типологически многие люди представляют как бы суповую кастрюлю. Они действуют интровертным или экстравертным обра-

⁶ Там же, пар. 955.

зом в зависимости от своей склонности, погоды или состояния ума; они думают, чувствуют, ощущают или интуитируют более или менее случайным путем, используя ту или иную функцию не хуже и не лучше, нежели другую. При этом они совершенно не задумываются об их важности или значимости для себя.

Такие люди могут на первый взгляд казаться хорошо оснащенными и подготовленными со всех сторон. Однако, вышеназванные характеристики типичны для бессознательного, в то время, как сознание уже включает определенные различия, сказывающиеся на том, как действует тот или иной человек. «Равномерность и единообразие сознательного или равномерность и единообразие бессознательного состояния функций — замечает Юнг, — есть признак первобытного склада ума»⁷.

Рациональные и иррациональные функции

В зависимости от характера ведущей функции Юнг различал два класса типов: рациональные и иррациональные. К первым принадлежат мыслящий и чувствующий типы; ко вторым — интуитивный и ощущающий.

Мышление, как функция логического различения, с очевидностью, рационально. Также и чувство, как способ информировать нас о ценности тех или иных вещей, вполне может быть различительной, а стало быть, рациональной функцией, как и мышление. Таким образом, мышление и чувство относятся к разряду рациональных функций, поскольку оба базируются на рефлексивном линейном процессе, образующем отдельное суждение.

Ощущение и интуицию Юнг назвал функциями иррациональными (постигающими, воспринимающими). Каждая *есть* просто тот или иной способ что-то воспринять — ощущение схватывает, сообщает человеку, что нечто есть во внешнем для него мире, интуиция постигает (или, можно сказать, «подхватывает, подбирает») *то*, что находится в мире внутреннем.

Сам термин «иррациональный» применительно к функциям ощущения и интуиции не означает чего-то неразумного или не-благоразумного, он подразумевает нечто выходящее за рамки рассудочного, лежащего в узких пределах здравого смысла. Физическое восприятие чего-то, что не зависит ни от какой логики — нечто просто *есть*. Ощущения не говорят что это, но свидетельствуют, *что* это нечто присутствует. Сходным образом интуиция существует сама по себе; она представлена в разуме, вне зависи-

⁷ Там же, пар. 667.

мости от рассудка или процесса рационального мышления. Юнг комментирует:

Лишь просто потому что [иррациональные типы] подчиняют суждение восприятию, было бы совершенно неправильным считать их «неблагоразумными». Гораздо более правильным было бы сказать, что они являются в высшей степени эмпирическими. Иррациональные типы основываются исключительно на переживании — настолько исключительно, что, как правило, их суждения никак не могут поспеть за их переживаниями⁸.

Особенно важно различать между чувством, как психологической функцией, и общеупотребительным бытовым значением этого слова у большинства людей. Юнг указывал на возможную путаницу в этом вопросе: мы говорим о чувстве счастья, печали, раздражения, сожаления и так далее; у нас есть чувство меняющейся погоды или падения биржевого рынка; мы чувствуем, что шелк более гладкий, чем простой холст, нечто «чувствуется неправильным» и так далее. Ясно, что мы используем само слово «чувство» весьма вольно, так как в каком-то отдельном контексте это может обозначать ощущение, восприятие, мысли, интуицию или какую-то эмоциональную реакцию.

Здесь это вопрос терминологический, вопрос ясности предлагаемых определений. Мы можем измерять температуру в градусах по Фаренгейту, по Цельсию или Реомюру, расстояние в милях или километрах, вес в унциях или граммах, массу в чашах, бушелях или фунтах, и всякое другое, — главное обозначить, какую систему измерения мы используем. В юнговской модели термин «чувство» весьма строго информирует субъекта о ценности вещей. Оно, чувство, говорит нам, что тот или иной предмет стоит для нас, какую ценность он представляет. В этом смысле данная функция рациональна — ибо, по свидетельству опыта, ценности, в общем, устанавливаются по законам разума точно так же, как и понятия. К тому же, чувство не окрашенное эмоцией, может оставаться вполне холодным или нейтральным.

Таким образом, чувственную функцию, как способ психологической ориентации, не следует путать с эмоцией. Последняя (в равной степени может быть названа аффектом) является неизменным следствием активного комплекса. «Чувство отличается от аффекта, — пишет Юнг, — тем фактом, что оно не производит ощу-

⁸ Там же, пар. 371.

тимых физических иннерваций, т. е. оказывается, не больше не меньше, обычным мыслительным процессом»⁹.

Аффект имеет свойство «заражать» или исказить каждую из функций: мы не имеем возможности правильно мыслить, если находимся в безрассудном состоянии — счастье окрашивает сам способ, которым мы воспринимаем людей, предметы или события; мы не способны соответствующим образом оценить нечто или кого либо — другого человека, предмет или событие, — когда сами чем-то расстроены, да и интуитивные возможности тоже искажают, если субъект оказывается в состоянии депрессии

Первичная функция и вспомогательные функции

Как было отмечено выше, одна из четырех функций неизменно оказывается более развитой, чем остальные. Это основная или ведущая функция, та самая, которую мы воспроизводим (используем) автоматически, поскольку она представляется наиболее естественной и приносит определенные преимущества Юнг пишет:

Опыт показывает, что вследствие неблагоприятных обстоятельств вообще, практически любому человеку невозможно развивать все свои психологические функции одновременно. Требования общества вынуждают человека, прежде всего (и по большей части), прилагать себя к выделению той из функций, которой он наилучшим образом наделен от природы, или которая обеспечит ему наилучший социальный успех. Очень часто, а в действительности это общее правило, — человек отождествляет себя более или менее полно с наиболее предпочтительной для него и следовательно, наиболее развитой функцией. А это как раз то, что дает начало различным психологическим типам. Как следствие такого одностороннего развития, одна или более функции неизбежно оказываются отстающими изначально и в последующем своем развитии.

Слово «отстающими» в данном случае означает попросту оставленными без внимания, запущенными или недостаточно развитыми. На самом деле лишь в крайних случаях другие функции оказываются полностью отсутствующими, обычно же имеется вторая функция (иногда даже и третья), которая вполне совершенна, чтобы оказывать соопределяющее влияние на сознание.

Можно, конечно, осознавать содержания или продукты, связанные с каждой из функций. Например, я могу знать, что я думаю, не имея мыслительную функцию в качестве ведущей, и я могу

⁹ Там же, пар. 835. См. ниже приложение III настоящего издания.

объяснить разницу между столом и бутылкой, не имея ведущей функцию ощущения. Но мы, согласно Юнгу, можем только говорить о самом «сознании» функции, «когда ее осуществление находится под контролем воли и, в то же самое время, ее управляющий принцип является решающим для ориентации сознания».

Это абсолютное верховенство, эмпирически всегда при надлежит только одной функции и может принадлежать только одной функции, поскольку равно независимое вторжение другой функции с неизбежной необходимостью изменит ориентацию, которая — по крайней мере отчасти — противоречит первой. Но так как это жизненное условие для сознательного процесса адаптации — всегда иметь ясные и непротиворечивые цели, — само присутствие второй функции равной силы, естественно, исключено. Поэтому другая функция может иметь только вторичное значение. Ее вторичное значение состоит в том, что она, в отличие от ведущей функции, не имеет единственной и абсолютной достоверности и решающего значения, но учитывается больше как вспомогательная или дополнительная функция¹⁰.

На практике вспомогательная функция всегда такова, что ее природа, рациональная или иррациональная, отличается от ведущей функции. Например, чувство не может быть вторичной функ-

¹⁰ Там же, пар. 667

цией, когда доминирует мышление, и наоборот потому что обе являются функциями рациональными. Мышление, если оно же лает быть истинным, следуя своему собственному принципу, обязательно полностью строго исключить всякое чувство. Это, конечно, не уводит нас от того факта, что есть индивиды, чьи мышление и чувство находятся на одном и том же уровне, оба выступая с равной мотивационной силой для сознания. Но в этих случаях вопрос о различении типов не ставится, а речь идет лишь об относительно неразвитых мышлении и чувстве¹¹.

Вторичная функция поэтому всегда является той, чья природа отличается от первичной функции, но не антагонистична ей: либо иррациональные функции могут быть вспомогательными для одной из рациональных функций, либо наоборот.

Сходным образом, когда ощущение является ведущей функцией, интуиция не может быть вспомогательной функцией и наоборот. Это происходит потому, что эффективное действие ощущения требует от самого себя фокусирования на восприятиях органов чувств во внешнем мире. А это совершенно несопоставимо одновременно с интуицией, которая «ощущает» то, что происходит в мире внутреннем.

Таким образом, мышление и интуиция могут легко, без труда образовывать пару, равно как это могут делать ощущение и мышление, так как природа интуиции и ощущения не является фундаментально противоположной мыслительной функции. И в самом деле, как мы увидим позже в детальном описании самих типов, ощущение или интуиция, обе являясь иррациональными функциями восприятия, могут быть весьма полезными в рациональных суждениях мыслительной функции.

Практически также одинаково верно, что ощущение поддерживается вспомогательной функцией мышления или чувства, чувство всегда находит поддержку у ощущения или интуиции, а интуиции могут помочь чувство или мышление.

Окончательные комбинации представляют, например, известную картину практического мышления в союзнничестве с ощущением, спекулятивное мышление с трудом продвигается вперед с интуицией, артистическая интуиция отбирает и представляет свои образы с помощью чувственных оценок, философская интуиция систематизирует свое видение в умопостигаемую мысль с помощью мощного интеллекта и так далее¹².

¹¹ Там же

¹² Там же, пар. 669

Подчиненная функция

Как уже упоминалось, все функции кроме ведущей, доминантной, наиболее предпочтительной, оказываются относительно подчиненными.

Во всех случаях имеется одна функция, которая особенно сопротивляется интеграции в сознание. Это так называемая подчиненная функция, или иногда, чтобы отличить ее от других подчиненных функций, ее называют «четвертой функцией».

«Сущность подчиненной функции, — пишет Юнг, — автономность: она независима, она нападает, очаровывает, пленяет и так раскручивает нас, что мы уже перестаем быть хозяевами самих себя и не можем больше правильно различать между собой и другими»¹³.

Мария-Луиза фон Франц, близкий сотрудник и коллега Юнга на протяжении многих лет, указывает, что одна из самых больших проблем подчиненной функции заключается в том, что она действует очень медленно в отличие от функции ведущей:

[Вот почему] люди ненавидят начинать работать с ней, реакция ведущей функции протекает быстро и хорошо адаптировано, в то время как многие люди даже и не представляют, в чем заключается их подчиненная функция. Например, мыслящие типы не задумываются над тем, что они чувствуют или какого рода чувства испытывают. Они сидят по полчаса в размышлении, чувствуют ли они что либо по поводу чего либо вообще, а если что то и чувствуют, то пребывают в неопределенности по поводу характеристики этого чувства. Если вы спросите мыслящий тип, что он чувствует, он обычно ответит либо какой-то мыслью или даст быструю условную реакцию, если вы будете настойчиво спрашивать его дальше о том, что же он в действительности чувствует, то выяснится, что он просто не знает. Вытягивание этого признания из его так сказать, печени, может занять полчаса. Или если интуитив заполняет налоговую форму, то ему требуется неделя там, где другим людям достаточно и одного дня»¹⁴.

В Юнговской модели, как показано на диаграмме на странице 20, подчиненная или четвертая функция неизменно оказывается той же самой природы, что и функция ведущая когда рациональная мыслительная функция наиболее развита, то другая рациональная функция, чувство, будет подчиненной, если доминирует

¹³ Two Essays, par 85, ПБ, с 96

¹⁴ Lectures on Jungs Typology (Zurich Spring Publications 1971) p 8

ощущение, то интуиция, другая иррациональная функция, будет четвертой функцией и так далее.

Это согласуется с общим опытом мыслитель регулярно спотыкается о чувственные оценки, практический ощущающий тип легко попадает в колею слепоты к возможностям «видимым» интуицией, чувствующий тип глух к заключениям, представляемым логическим мышлением, а интуитив, настроенный на внутренний мир, двигается сквозь скверну конкретной реальности.

Разумеется, это не значит, что человек полностью забывчив к такого рода восприятиям или суждениям, связанным с подчиненной функцией. Мыслящие типы, например, могут знать о своих чувствах — в той степени, в какой они способны к интроспекции¹⁵ — но не придают им сильного значения, они сомневаются.

Аналогичным образом, ощущающие типы, которые односторонне ориентированы на восприятие физических ощущений, могут обладать и интуицией, но даже если они и допускают наличие у себя, она не мотивирует их деятельность. Точно так же, чувствующие типы отбрасывают прочь будоражающие их мысли, а интуитивы попросту игнорируют то, что находится прямо у них под носом.

Хотя подчиненная функция может осознаваться как явление, тем не менее, ее истинное значение остается нераспознанным. Она ведет себя подобно многим подавленным или недостаточно приемлемым содержаниям отчасти осознаваемым, а отчасти нет. Таким образом, в нормальных случаях подчиненная функция остается осознаваемой, по крайней мере, в своих проявлениях, но в неврозе она полностью или частично погружается в бессознательное.

В той степени, в какой человек действует слишком односторонне, подчиненная функция, соответственно, становится примитивной и хлопотной, как для него самого, так и для других («Жизнь не милосердна, замечает фон Франц, с низким положением подчиненной функции»¹⁶). Психическая энергия, на которую претендует ведущая функция, забирается у подчиненной функции, выпадающей в бессознательное. Там подчиненная функция склонна акти-

¹⁵ Разница между интроверсией и интроспекцией такова что первая относится к направлению в котором течет энергия в то время как последняя означает само исследование само изучение. Хотя способность к интроспекции — которую Юнг называет «само общение» — кажется более превалирующей среди интровертов ни интровертная установка, ни мыслительная функция не имеют монополии на интроспекцию в их значимости и даже могут заявить, что и вовсе не находятся под каким либо их влиянием.

¹⁶ *Jungs Typology*. p. 12

вироваться неестественным образом, давая ход детским фантазиям и многочисленным расстройствам личности.

Это и есть то, что регулярно происходит в так называемом кризисе середины жизни, когда индивид пренебрегает некоторыми аспектами своей личности столь долго, что они, в конце концов, требуют своего признания. В такие моменты обычно причины самих «расстройств» проектируются на других. И только определенный период саморефлексии и анализа фантазии может восстановить равновесие и сделать возможным дальнейшее развитие. На самом деле, как указывает фон Франц, кризис такого рода может оказаться «золотой» благоприятной возможностью, —

В области подчиненной функции сосредоточена огромная концентрация жизни, так что по мере того, как ведущая функция изнашивается — как у старого автомобиля начинает греметь мотор и уходит масло — если люди успешны в обращении к их подчиненной функции, они переоткрывают новый потенциал жизни. В этой области подчиненной функции все становится волнующим, драматичным, полным положительных и отрицательных возможностей. Возникает напряжение огромной потрясающей силы и сам мир, так сказать, переоткрывается через подчиненную функцию¹⁷

— хотя и не без некоторого дискомфорта, так как процесс ассимиляции подчиненной функции, «поднимает» ее в сознание и неизменно сопровождается «понижением» ведущей или первичной функции.

Мыслительный тип, который концентрируется на чувственной функции, испытывает, например, затруднения в написании эссе, поскольку не может думать логически; осязающий тип, активно увлекаемый интуицией, теряет ключи, забывает о назначенных встречах, оставляет на ночь недотопленную печь; интуитива начинают очаровывать звук, цвет, текстура, и он игнорирует возможности; чувствующий тип зарывается в книги, погружается в идеи ущербности и вреда социальной жизни. В каждом случае сама проблема возникает таким образом, что человеку требуется найти средний путь.

Существуют типичные характеристики, связанные с каждой функцией, когда она действует в режиме подчинения. Некоторые из них будут обсуждаться позже. Здесь же достаточно заметить, что сверхчувствительность и сильные эмоциональные реакции любого рода — от страстной влюбленности до слепого гнева — яв-

¹⁷ Там же, с. 11

ляются ясным знаком того, что подчиненная функция, наряду с одним или более комплексами, стала активной. Это, естественно, дает начало множеству проблем взаимоотношений.

В терапии, когда необходимо или желательно развить подчиненную функцию, это делается постепенно и прежде всего путем прохождения через одну из вспомогательных функций. Как комментирует Юнг:

Я часто наблюдал, как какой-нибудь аналитик, столкнувшись, например, с преимущественно мыслительным типом, пытается сделать все от него зависящее, чтобы развить чувствующую функцию прямо из бессознательного. Такая попытка заранее обречена на неудачу, поскольку она вовлекает в дело слишком насильственное обхождение с сознательной точкой зрения. Если же, тем не менее, такое насилие окажется успешным, то появляется прямо-таки навязчивая (компульсивная) зависимость пациента от аналитика, перенос, который можно прекратить только жесткими методами, потому что, лишившись точки зрения, пациент делает своей точку зрения аналитика. Для того, чтобы утихомирить воздействие бессознательного, иррациональный тип нуждается в более сильном развитии рациональной вспомогательной функции присутствующей в сознании [и наоборот]¹⁸.

Два типа установки

Согласно Юнгу, его исходным побуждением в исследовании типологии было желание понять, почему взгляд Фрейда на невроз столь отличен от Адлеровского.

Фрейд исходно считал своих пациентов весьма зависимыми от значимых для них объектов, рассматривавших и самих себя в связи с этими объектами, в особенности, — и прежде всего — родителями. Акцент Адлеровского подхода строился на том, что личность (или субъект), ищет свои собственные безопасность и превосходство. Один предполагал, что человеческое поведение обуславливается объектом, другой находил определяющее средство в самом субъекте. Юнг весьма ценил обе точки зрения:

Фрейдовская теория привлекает своей простотой, настолько, что человек, следуя ей, порой болезненно огорчается, если кто-то другой возымеет намерение высказать противоположное суждение. Но то же самое истинно и для теории Адлера. Она также сверкает простотой и объясняет столько

¹⁸ ПТ, пар. 670

же скобке теория Фрейда. И так уж получается, что исследователь видит только одну сторону, и в конце концов, почему каждый настаивает, что только он имеет верную позицию.⁷ Оба, с очевидностью, имеют дело с одним и тем же материалом, но из-за личностных особенностей каждый из них видит вещи под разным углом¹⁹.

Юнг заключает, что эти «личностные особенности» фактически обязаны типологическим различиям система Фрейда является преимущественно экстравертной, в то время как Адлеровская – интровертной²⁰.

Эти фундаментально противоположные типы установок обнаруживаются у обоих типов и на всех социальных уровнях. Они не составляют предмет сознательного выбора или унаследования, или образования. Их появление является общим явлением, имеющим по видимому случайное распределение.

Два ребенка в одной и той же семье могут вполне оказаться противоположными по типу. «В конечном счете, — пишет Юнг, — это следует приписать индивидуальному предрасположению, что при возможно наибольшей однородности внешних условия один ребенок обнаруживает такой тип, а другой ребенок — другой»²¹. Фактически он верил, что антитезисный тип был обусловлен некоторой бессознательной инстинктивной причиной, для которой по всей видимости имелось некое биологическое основание.

В природе существуют два фундаментально различных способа адаптации, которые обеспечивают непрерывное существование живого организма. Один заключается в высокой скорости воспроизводства, при относительно низкой защитной способности и короткой продолжительности жизни отдельного индивида, другой состоит в обеспечении самого индивида многообразными средствами само сохранения при относительно низкой плодовитости [Сходным образом] специфическая природа экстраверта постоянно побуждает его растрачиваться, размножать себя любым способом и внедряться во все в то время как тенденция интроверта — оборонять себя от любых внешних требований воздерживаться от всякой затраты энергии, направленной прямо на объект,

¹⁹ Two Essays CW 7, pars 56f. ПБ с. 74 и далее

²⁰ Фон Франц различает между психологической системой Фрейда и его личностной типологией. Сам Фрейд считает она была интровертным чувственным типом «и поэтому его труды несут на себе характеристики подчиненного экстравертированного мышления» (Jung's Typology p 49)

²¹ ПТ, пар. 560

*но зато создавать для себя самого возможно более консолидированное и могущественное положение*²².

В то время как очевидно, что некоторые индивиды обладают большей способностью или характером приспособиться к жизни тем или иным образом, неизвестно, почему это происходит. Юнг полагал наличие возможных физиологических причин, о которых мы пока не имеем точного знания, так как изменение или искажение типа часто оказывается вредным физическому благополучию индивида.

Никто, конечно, не является интровертированным или экстравертированным в чистом виде. Хотя каждый из нас в процессе следования своей доминантной склонности или, адаптируясь к своему непосредственному окружению, неизменно развивает одну установку более, нежели другую, противоположная установка в нем потенциально все же сохраняется.

В действительности, семейные обстоятельства могут заставлять кого-либо в раннем возрасте принимать какую-то установку, которая оказывается неестественной, насилуя, таким образом, индивидуальный врожденный склад такого человека. «Как правило, — пишет Юнг, — везде, где такая фальсификация типа имеет место, позже индивид становится невротичным и может быть вылечен развитием в нем той установки, которая созвучна его натуре»²³.

Это определенно усложняет вопрос о типе, так как каждый, в некоторой степени, невротичен — то есть односторонен. В общем, интроверт попросту не осознает свою экстравертную сторону из-за привычной ориентации по отношению к внутреннему миру. Интроверсия экстраверта дремлет аналогичным образом, дожидаясь выхода.

Фактически неразвитая установка становится аспектом тени, всем тем в нас самих, что мы не осознаем наш нереализованный потенциал, нашу «непрожитую жизнь» (смотри ниже «ТИПОЛОГИЯ и ТЕНЬ», глава 4). Кроме того, когда подчиненная установка выходит на поверхность, а именно, когда проявляется экстраверсия интроверта или интроверсия экстраверта, быть бессознательным означает находиться в констелляции, то есть быть «задействованным». Это ведет по эмоциональному, социально неадаптированному пути, точно так же, как и в случае с подчиненной функцией.

Так то, что составляет ценность для интроверта, противоположно тому, что важно для экстраверта, подчиненная установка

²² Там же. пар. 559

²³ Там же, пар. 560

постоянно сбивает с толку взаимоотношения человека с другими людьми.

Чтобы проиллюстрировать это, Юнг рассказывает историю о двух молодых людях, — один из которых интроверт, а другой экстраверт, оказавшихся на прогулке в сельской местности²⁴. Они подошли к замку. Оба хотели посетить его, но по разным причинам Интроверту было любопытно узнать, как замок выглядит изнутри, для экстраверта это служило игрой в приключения.

У ворот интроверт отступил «Возможно, нас туда не пустят», — сказал он, воображая служебных собак, полицейских и штраф, как окончательный результат мероприятия. Экстраверт был неудержим «О-о, они нас пропустят, будь спокоен», — сказал он, воображая доброго старого сторожа и возможность встречи с привлекательной девушкой.

На волне оптимизма экстраверта оба, в конце концов, вступили в замок. Там они обнаружили несколько пыльных комнат и коллекцию старых рукописей. Как часто случается старые рукописи являются главным интересом у интровертов. Наш вскрикнул от радости и с энтузиазмом принялся внимательно рассматривать сокровища. Он разговорился с хранителем, попросил позвать заведующего библиотекой, и вообще сделался живым и воодушевленным, его смущение исчезло, предметы соблазняли таинственным волшебством.

Между тем дух экстраверта явно упал. Он стал скучным и начал зевать. Доброго сторожа не оказалось равно как и привлекательной девушки, лишь старый замок переделанный в музей. Рукописи напомнили ему студенческую библиотеку в его университете, месте, ассоциировавшимся с нудным заучиванием материала и экзаменами. И он пришел к выводу, что все здесь невероятно скучно.

«Превосходно, не правда ли? — воскликнул интроверт, взгляни сюда» — на что экстраверт угрюмо ответил: «Это все не для меня, пошли отсюда.» Это весьма раздражало интроверта, который тайно поклялся никогда больше не отправляться на прогулку с таким невнимательным к другим экстравертом. А экстраверт, совершенно расстроенный, теперь уже не мог думать ни о чем, кроме того чтобы поскорее убраться отсюда наружу в солнечный весенний день.

Юнг обращает внимание, что двое молодых людей прогуливаются вместе в счастливом единстве (симбиозе), пока не набредают на замок. Они наслаждаются определенной степенью гармонии,

²⁴ См *Two Essays*, CW 7 pars 81 ff, ПБ с. 93 и далее

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)